

Образ президента и его отражения

Должно быть, не было и никогда не будет такой книги или газеты, которую держала бы в руках и читала вся Латвия, да что Латвия — весь мир, следуя за ходом одних и тех же событий, думая об одном и том же. С помощью телевидения это сделалось возможным. Когда однажды после старта американского космического корабля *Challenger* на телеэкранах появилась полоса огня и дыма, свидетельствуя о катастрофе и гибели экипажа, весь мир затаил дыхание. Мысли и взгляды миллиардов людей сходятся воедино во время Олимпийских игр или когда в Рождественскую ночь десятки телекомпаний передают ход богослужения в Ватикане. В Латвии совсем недавно так же объединил телезрителей интерес к выборам президента страны.

Образ определённого человека или события сегодня может быть без особых усилий тиражирован в миллионах экземпляров, воздействуя на сознание людей. Особенно это касается визуальных образов и впечатлений, сила которых объясняется тем, что они проникают в подсознание и остаются в нём, а глубины подсознания куда трудней освободить от всего наносного, чем контролируемые разумом слои сознания. Этим эффектом подсознания обусловлено и воздействие искусства, — а политика сегодня, как известно, тоже претендует на роль своего рода искусства. Конкретные проявления политики нередко и характеризуются в категориях искусства: "политический театр", "фарс", "политическая арена" и т.п. И точно так же, как в Голливуде, время от времени политики заговаривают о необходимости появления новых лиц, "локомотивов", способных ту или иную партию привести в Сейм. Согласно спросу является предложение, новые лица отыскиваются, и их новая роль соответственно оплачивается.

С избранием Вайры Вике-Фрейберги на политической сцене Латвии появилось новое лицо, на которое, в соответствии с Конституцией, коллегам, хотя бы они того или нет, придётся оглядываться по меньшей мере четыре года. Желание политиков, чтобы "то, что мы называем народом", увидело лицо президента в нужном свете, понятно. Однако — при всём том, что о президентских выборах много думали и говорили, сам-то выбор оказался неожиданным, и перед политиками возникли некоторые проблемы. Как тиражировать нужный образ?

Трудности, несомненно, возникают. Женщина в роли главы государства — небывалый прецедент в истории Латвии. Притом образу женщины в смысле визуальном заведомо принадлежит больший вес, чем любому мужскому образу. Неписанные и уже классические правила элегантности предписывают женщине как официальному лицу, представляющему государство, носить юбку до середины колен, — так оно принято, во всяком случае, в Европе. Столь удобная и привычная деталь одежды современной женщины, как длинные брюки, должна быть забыта или оставлена исключительно для личной жизни, для каковой, строго говоря, у президентов времени не остаётся. Женщине приходится чисто телесно, физически быть менее прикрытой, а значит, и менее защищённой не только в переносном, но и в самом прямом смысле. Вспомним печально знаменитого депутата латвийского парламента Валдманиса: он позволил себе появиться в здании Сейма в шортах (оставив обнажёнными части тела, которые в подобных случаях открывать не принято) и вызвал целую бурю возмущения и насмешек.

Для женщины-политика открытая демонстрация ног, по моим наблюдениям, едва ли не принадлежит к протоколу. Полагаю, быть политиком и тем более высшим лицом

государства — непрерывное напряжение. И особенно для женщины: куда девать руки, ноги, что делать с сумочкой? А глаза (как известно, зеркало души, а потом уж ума)? Женщина не может в заботах о государстве при всех погрузить лицо в ладони, не вправе в зале заседаний Сейма или даже в тамошнем кафе принять вполне вольную позу, дабы телу дать отдохнуть от напряжения. В отношении к женщине срабатывает вековая традиция, для которой были и есть свои основания, быть может, даже и философские. "Красота спасёт мир", — сказал русский писатель Фёдор Достоевский. Возможно, уместным было бы и не только будущее время. Красота каждый день хоть немного, но спасает этот мир. Сколь скучным и тотально однообразным показалось бы человечество, будь оно сплошь одето в тёмные костюмы с галстуком!

Уметь вести себя, уметь выглядеть достойно, на приём к тем же людям не являться дважды в одной и той же одежде, не появляться всегда и всюду с одной и той же сумочкой в руках, — чего ещё может желать отдельно взятая женщина? И у латвийской политической элиты не возникало бы лишних проблем. Но Вайре Вике-Фрейберге этого мало, и несомненно информированный и престижный в светских кругах журнал "Ригас Лайкс" вопрошает президента: "В последнее время на фотографиях Вы всё чаще выглядите похожей на Маргарет Тетчер, — сознаёте ли Вы это?" "Удивительно! — отвечает госпожа президент. Можно подумать, что в этом "Удивительно!" выразилось удовлетворение: "Посмотрите-ка, с кем меня сравнивают! Как высоко оценили!" Но послушаем дальше... "Знаете, у меня весьма слабое представление о госпоже Тетчер. В канадских масс-медиа она появлялась куда реже, чем в европейских, разве во время Фолклендской войны. Но припоминаю, что в Оксфорде, когда я была там, академики говорили о ней не иначе как с пеной на губах: по их мнению, она подкосила их исследования, отменив государственные дотации на науку. Интеллектуалы были весьма враждебно настроены по отношению к ней — с той точки зрения, что она, будучи представителем радикально правого крыла, крайне консервативна и ни в коем случае не интеллектуал". Шаблонный образ "железной леди", как видим, разлетелся в куски, и президент Латвии явно не спешит видеть в английской даме пример для подражания.

Как в самой Латвии, так и в других странах мира на политической арене мы видим женщин, весьма непохожих на Вайру Вике-Фрейбергу. Масс-медиа дают понять, что следовать надо именно проверенным образцам, что пришедшему к власти нельзя иначе. Однако женщина — президент Латвии представляет собою образ, излучающий сознание не власти, а свободы. Если человек не трясёт кулаками перед лицом у другого, это ещё не говорит о слабости. Почему, собственно, облик Вайры Вике-Фрейберги должен быть создан по чужим выкройкам, отчего не признать за ней право на собственный образ? Каким он должен быть? К этой проблеме, несомненно касающейся общества, Вайра Вике-Фрейберга подходит деловито и с пониманием. Её спрашивают: приемлемо ли для неё, что, хотя бы и в позитивном смысле, так часто акцентируют, что она — женщина. Ответ: "В нынешних исторических обстоятельствах — да. С точки зрения государственных интересов Латвии то был позитивный фактор — хотя бы как рекламный момент, позволивший привлечь внимание мира к Латвии. Как женщина я бы могла пожелать, чтобы со временем об этом говорили всё меньше".

Слово "женственность" несёт в себе определённый элемент двусмысленности, особенно если его используют для характеристики личности. Если мужчину назовут мужественным, это бесспорно похвала. В России, как известно, есть даже орден "За мужество", присуждаемый за выполнение особо трудных задач независимо от пола, часто посмертно, как это было с моряками подводной лодки "Курск", погибшими при исполнении служебного долга. Сказать о каком-нибудь представителе мужского пола, что он женственен, значит больно задеть его человеческое достоинство. В свою очередь,

задетой или подвергнутой сомнению оказывается идентичность сильной духом, смелой женщины, во всяком случае, когда её упорно превозносят за мужество. К примеру, Аспазию критики нередко называли мужественной, хотя этот эпитет вступает в явное противоречие с визуальным образом латышской поэтессы, её биографией лирика и драматурга. С другой стороны, когда о женщине говорят: м-да, она такая женственная... — в особенности если речь идёт о профессиональной пригодности, тут похвалой и не пахнет. Хотя нет такой работы, где не пригодился бы опыт, обретенный женщиной в её трудах матери и хозяйки дома.

На вопрос, ощущаете ли Вы себя женственной, Вайра Вике-Фрейберга отвечает без тени сомнения: "Разумеется. Я жена и мать; это дало моей жизни глубочайшую эмоциональную наполненность".

"Почему это женщина должна всю свою жизнь посвятить только детям? — спрашивает уже сама госпожа президент. И отвечает: — Мне этот искусственный выбор, навязываемый женщине — или карьера, или семья — кажется ненормальным, необоснованным, нелогичным! Всё равно, что спрашивать, каким ребёнком вы согласны пожертвовать, или — какую руку дадите ампутировать. Но зачем ампутация, если здоровье позволяет человеку оставаться целым?"²³.

Образ и характер президента, будь то мужчина или женщина, в глазах общества значат много. Даже люди почтенного возраста, никогда в жизни особенно не интересовавшиеся политикой и вряд ли знающие, что конкретно сделано тем или иным президентом, помнят тем не менее и могут порассказать — каким был Чаксте, каким — Карлис Улманис. Профессиональные историки обычно говорят о Чаксте как о демократе, стоявшем на страже закона, а в народе вспоминают его большую, счастливую семью, достойную президента осанку и сердечную улыбку. Памятник Свободе в центре Риги и памятник президенту Янису Чаксте на Лесном кладбище оставались символами независимой Латвии, и патриотически настроенные люди в советские годы, наперекор гонениям и репрессиям, возлагали цветы к их подножию, зажигали свечи. Личность Чаксте и сегодня для многих — воплощение всех тех качеств, которые в совокупности должны быть присущи главе государства.

Частная жизнь государственного мужа также привлекает внимание историков, умеющих сделать и тут существенные, можно сказать, государственного значения выводы. Скажем, историк Илга Крейтусе замечает, что успешной работе Чаксте на посту главы государства весьма содействовали его "прекрасное образование, деловой опыт, материальная обеспеченность президента и стабильная, благополучная семья"²⁴.

Можно заподозрить, что роль семьи в жизни и деятельности главы государства не случайно акцентирует именно женщина-историк, что перед нами специфически женский взгляд и аргументация. Нет, тот же момент подчёркивают историки, принадлежащие к сильному полу. Скажем, профессор Айвар Странга напоминает, что частная жизнь высших лиц государства нередко использовалась для формирования разного рода идеологических мифов, особенно в условиях авторитарных режимов. "После государственного переворота, совершённого Улманисом в 1934 году, идеологи его режима сочинили миф о вожде, не имеющем семьи только потому, что он всего себя отдаёт "народу", не оставляя ничего лично себе. /.../ То был авторитарный вздор, скрывавший за собой опасную истину: у Карлиса Улманиса была только одна жизнь — в политике и у власти, никакой другой не было. Когда власть начала ускользать из его рук, он осуществил государственный переворот, чтобы сохранить эту свою единственную жизнь"²⁵. И для спасения этой единственной жизни были принесены в жертву многие

другие жизни.

Яниса Чаксте культ вождизма, напротив, ничуть не коснулся. Несмотря на его действительно весомый вклад в государственное строительство, в народной памяти он не обратился в существо мифическое.

Как видно из биографии Вайры Вике-Фрейберги, до времён президентства она прожила несколько счастливых и наполненных жизнью. Ей не нужно было зубами и когтями выцарапывать высокую должность, чтобы компенсировать или заполнить какие-либо пустоты в приватной жизни. После избрания президент сказала: "У меня не было боязни проиграть либо отчаянного стремления победить любой ценой. Моё самоуважение не зависело от того, изберут меня или нет. Столько других дел ожидало меня, работы, интересной и мне самой, и способной, я думаю, принести пользу другим". Утверждению этому можно верить. Вступая в новую должность, ей наверняка жаль было расставаться с научными исследованиями, которым отдано так много увлечения и труда и которым в ближайшие годы нет возможности уделить ни минуты. Как видно из списка научных публикаций В. Вике-Фрейберги, в последнее время она интенсивно работала: в издательство "Карогс" сдана заключительная часть трилогии "Три солнца" — *"Метеорологическое солнце"*, готовился к печати новый сборник статей — *"О культуре"*. Начат целый ряд книг на английском языке: *The logic of poetry. On structure and function in the Latvian dainas, Latvian Sun-song melodies [With original texts and their English translation]* и др.

Для повышения степени узнаваемости нашей культуры и государства в международном масштабе особенно важны работы В. Вике-Фрейберги, написанные по-английски. Откликаясь на инициативу Латвии, в 2000 году организация ЮНЕСКО поддержала предложение включить латышские народные песни в список шедевров мирового наследия устной и нематериальной культуры, выделив и финансовые средства для выработки соответствующего проекта. Но весь этот замысел не имел бы никаких шансов на международную поддержку, если бы дайны, их древность и культурная ценность были известны исключительно в Латвии, а мир не имел бы о них ни малейшего представления. Уникальность свода латышских дайн сегодня нужно заново раскрыть на языке, понятном как нам самим, так и миру; Вайра Вике-Фрейберга и Имант Фрейберг в этой области выполнили неоценимый труд.

Если говорить о наследовании каких-то традиций латвийской президентуры в лице Вайры Вике-Фрейберги, то прежде всего приходит на ум Янис Чаксте. До избрания главой государства Чаксте был профессором Латвийского университета, так что В. Вике-Фрейберга — второй в истории Латвии профессор, ставший президентом страны. Она вступила в должность в тот день, когда исполнялось 140 лет со дня рождения Чаксте, и как новому президенту Латвии ей суждено было произнести речь 1 мая 2000 года — в 80 годовщину со дня принятия Конституции — у памятника Янису Чаксте на Лесном кладбище.

Будучи прямым наследником идеалов первого национального пробуждения, первой Атмоды, Янис Чаксте в то же время был в политике своего времени новатором. /.../

Ситуация прямо-таки взывала к личности, способной объединить различные силы, способной примирить острейшие политические противоречия во имя идеи латвийского государства. Янис Чаксте с его моральными и профессиональными качествами был такой личностью. Янис Чаксте с его опытом первоклассного юриста и убеждённого демократа, с его верой в объединяющую волю был такой личностью.

Современники Яниса Чаксте единодушно подчёркивают и высоко оценивают его человеческие и моральные качества. Благородство духа и самоотверженность. Особый ореол его личности и оптимизм. Его способность быть одновременно и государственным мужем, и человеком чести.

Композитор Язепс Витолс говорил о "счастливейшем синтезе реального и идеального политика" в лице Яниса Чаксте. Поэтесса Аспазия на похоронах Яниса Чаксте произнесла слова, исполнившиеся в полной мере: "Дух его будет жить в народе, и у его огня согреются многие".

Чтобы показать обаяние личности Чаксте, президент обратилась в своей речи не к свидетельствам историков или политиков, а к суждениям творцов, и я бы выделила в её речи два стратегически важных акцента: Чаксте — новатор в политике своего времени, реальный и идеальный политик одновременно. Это сочетание характерно и для самой Вике-Фрейберги, и, как видно уже из начальных строк этой книги (о "родимом доме"), рациональное в характере и мышлении президента не уступит идеальному, народно-романтическому.

²³ Pirmā prezidente // Santa, 1999, 9. nr., 20. lpp.

²⁴ *Kreituse I. Valsts prezidents kā valsts daļa.* (Президент страны как часть государства.) — Rīga: Žurnāla "Latvijas Vēsture" fonds, 2000. — 70. lpp.

²⁵ *Stranga A. Jānis Čakste — lielais Latvijas demokrāts.* (Янис Чаксте — великий демократ Латвии.) — Rīga: Žurnāla "Latvijas Vēsture" fonds, 2000. — 56. lpp.